

Конговские
ТАУНЫ

НАСЛЕДНИКИ ПОГИБШИХ ДИНАСТИЙ

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Разработка серийного оформления *В. Акулич*

Иллюстрация *Е. Черновой*

Оформление *Л. Ласица*

Зволинская, Ирина.
3-43 Наследники погибших династий / Ирина Зволинская. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Колдовские тайны).

ISBN 978-5-699-92500-1

Что разрушило привычную жизнь Мелисент? Внезапный отъезд родителей? Появление богатого наследника древнего рода в тихом провинциальном городке? Предательство возлюбленного? Убийство лучшей подружки?

Мелисент стала невольным свидетелем преступления и вынуждена бежать в столицу без денег, документов и необходимых лекарств. Но и вдали от дома не легче — внезапно меняется внешность девушки, появляется не видимый никому другому хранитель и происходит встреча с незнакомцем, удивительно похожим на саму героиню. Вереница случайных событий сталкивает девушку с необходимостью выбора: смириться с уготованной судьбой или, отстаивая право на счастье, открыть тайны прошлого.

Только есть ли в этой истории случайности?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92500-1

© Зволинская И., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

Ярко-голубой с золотыми полосами паровоз стоял на дальней пустой платформе. «САОМАРСКИЙ ЭКСПРЕСС» — значилось на нем. До отправления было не скоро — не было ни пассажиров, ни провожающих. Железнодорожные рабочие сновали по рельсам, вокруг что-то стучало, гудело и дымило. Грязный, как трубочист (впрочем, он почти им и был), угольщик тащил тачку, доверху наполненную топливом. Я наугад подошла к одному из вагонов. Нервно поправила очки, подобрала подол маминого платья так, что стала видна шнуровка черных дорожных ботинок, и не слишком грациозно забралась в поезд. Здесь меня постигла первая неудача — законопослушные работники боялись брать девицу странного вида и без документов.

— Прошу вас, мсье, если не уеду сегодня, то опоздаю на экзамены. Следующий поезд только через три дня. А у меня документы украли — билета не купить.

— Без метрики никак нельзя. — Везде был один ответ.

Когда я уже совсем отчаялась, краснолицый проводник из предпоследнего вагона поманил меня пальцем.

— Залезай, только тихо.

Подняться в пятнадцатый раз оказалось значительно проще.

— Возьму уборщицей, но платить не буду. Идет?

— Согласна!

— Гаспар Морель, — представился мужчина.

Обдавая меня стойким запахом перегара, он вкратце описал обязанности.

— Как звать? — не особенно интересуясь ответом, спросил проводник.

— Мэл... Меланика, — замялась я. Ну что за имя? Откуда только в голову пришло?

Приступить к работе предстояло утром, когда пассажиры начнут просыпаться. Решила воспользоваться временной передышкой и как следует отдохнуть. Вчера ночью я почти не спала. Не больно-то выспишься на чужих чемоданах. Прошлой ночью заснула сразу, но очень быстро проснулась. Потом все переживала, что мы прибудем в Оредеж, а я не успею проскочить мимо проводника. Но все прошло благополучно. Уже в четыре часа пополудни, голодная и со следами от чьей-то сумки на лице, я была на вокзале, где пыталась попасть на следующий в столицу поезд. На который меня и взяли.

В небольшой каморке, выделенной мне для путешествия, большую часть пространства занимала узкая койка. Я прикрылась мужским плащом, в спешке захваченным из дома. Грэг накинул его на меня, когда провожал, и сейчас мне казалось, что аромат любимого одеколona теперь уже бывшего друга горчит. Попыталась удобнее устроить пострадавшую руку: ее я сильно оцарапала о корягу, когда убегала из родного города. Сон пришел почти сразу и, к счастью, в этот раз не принес кошмаров.

Что-то с шумом упало совсем рядом, и я проснулась. Похоже, за стенкой свалился чемодан. Чувство острого одиночества накрыло с головой. Я одна, еду в столицу без документов и с пятью десятками франков в кармане. С собой нет лекарств — рискую ослепнуть. Мама и папа сходят с ума от горя, и я не могу сообщить им о том,

что жива. Грегори, которому я доверяла больше, чем себе, отвернулся, а Софи... Софи мертва!

Было раннее утро. Разноцветное солнышко радостно светило в маленькое окно, за которым пролетали леса и луга южного герцогства. Я направилась к неприметной дверце, за которой располагались удобства. Подошла к маленькой раковине, умылась холодной водой и бросила мимолетный взгляд на осколок зеркала, кем-то заботливо прикрепленный двумя гвоздиками – ничего во мне не изменилось, только синяки под глазами стали больше.

«Давно пора признать – худая, невзрачная, в нелепых очках – ты не пара Грэгу!» – жестко сказала я самой себе. Тем более он никогда не давал ни малейшего повода думать о том, что между нами возможно что-то большее, чем дружба. Вот только и она закончилась. Мысль о предательстве причиняла почти физическую боль.

Я оправила платье и направилась в каюту мсье Мореля. Тот явно страдал от головной боли и, завидев меня, поморщился:

– А, Меланика, так тебя? Проснулась? Проходи, вон инвентарь, – он показал на ведро и швабру в углу.

Вид проводника хорошо сочетался с формой – у него были такие же точно, как пиджак, красные глаза и зеленое, как брюки, лицо. Как можно так запустить себя? Ведь совсем еще не старый, не больше тридцати.

Вскоре начали просыпаться пассажиры. В заботах быстро пролетел день. Утром я подавала напитки, потом собирала посуду. На обеде и ужине все повторилось, только теперь к кружкам добавились тарелки. Подметала пол, мыла туалетные комнаты. Грязная работа, но тут уж было не до душевных терзаний. Перчатки по локоть – и вперед. Зато доберусь до Саомара бесплатно. А с таким опытом в столице точно смогу устроиться

уборщицей или официанткой. «С руками оторвут!» – подбадривала я себя, пока чистила особенно грязный горшок.

Одна из пассажирок, дородная дама лет сорока, вся в кружевах и жемчуге, при виде меня в огромных резиновых перчатках скривилась:

– И вот это будет меня обслуживать?! Я немедленно пожалуюсь начальнику поезда!

Не знаю, чего она ожидала в ответ, но я только пожала плечами. А пьяница-проводник ее, значит, не смущает?

Рука болела весь день, и к вечеру меня уже так мучило от голода и усталости, что было не до глупых претензий хамоватой мадам. Ближе к ночи мне удалось тайком пробраться к вагону-ресторану и купить у удивленной буфетчицы несколько пирожков.

Вторая ночь прошла спокойно, плечо по-прежнему ныло, и следующий день не принес почти ничего нового, кроме того, что я на собственном опыте узнала, каково это – быть одинокой девушкой в реальной, не книжной, жизни. Мужчины, начиная с проводника, заканчивая некоторыми пассажирами, постоянно пытались меня зажать и пощупать где-нибудь в углу.

Самым активным моим поклонником был толстый, как боров, отец многочисленного семейства – он ехал с женой и тремя детьми. Его не пугало ни мое платье, ни наличие очков, ни жуткий коричневый платок, найденный в каморке, который я надевала, чтобы волосы не лезли в глаза.

Беззащитная, хрупкая девчонка – идеальная жертва. Некому вступиться, и никто ничего не узнает. Безнаказанность – самый страшный соблазн.

На четвертый день путешествия ему все-таки удалось поймать меня. Это было раннее утро, я набирала воды в ржавое ведро, с которым уже сроднилась. Шу-

мела вода, и одышку, которая сопровождала его появление и предупреждала меня об опасности, услышать не удалось.

– Моя худенькая курочка!

От резкой боли выступили слезы – жирные пальцы выкручивали сосок.

– Ну же, подними свое платьице, будь хорошей девочкой.

Меня спасло чудо: младший из его сыновей, таких же толстых, как он сам, громко заорал, что немедленно хочет пойти с папой за леденцом. Я расправила мягкое платье, больно прикусила кулак, чтобы не разреветься, и больше не была так беспечна – воду наливала только днем и старалась не попадаться лишней раз никому на глаза. Получалось не очень: все равно ловили. Мерзкое ощущение от чужих грязных рук, по-хозяйски гуляющих по телу, не проходило даже во сне. Я еще больше похудела и почти не спала – боялась.

Хуже было с проводником. В один из дней, когда я шла с подносом, заставленным посудой, он преградил мне дорогу и сказал:

– Хорошая ты девка, только уж больно страшная! Но если сегодня придешь, то я, может, заплачу тебе.

Он попытался ухватить меня ниже пояса, но прямо на его форменные брюки упала чья-то кружка с остатками кофе. Громко сетуя на мою неловкость, он ушел смывать отвратительно бурое пятно.

Всю ночь я вскакивала от каждого шороха, было очень страшно, что он явится. Так и случилось. Заслышав тяжелые шаги за стенкой, я спряталась под лежанкой. Он долго и грязно ругался, уверился, что уборщица у кого-то из пассажиров – предпочла ему другого. Залез в мою сумку, но ничего ценного не нашел. Деньги были при мне. Безвыходность ситуации, факт полной власти надо мной этого ничтожества – без документов

начальник поезда высадит меня на первой же остановке — давил тяжелее любого груза.

Ночью перед приездом в столицу у меня начался жар, я проснулась с диким желанием попить. Шатаясь и покряхтывая, как старая перечница, я прошла в туалет и открыла медный кран. Вода падала в ржавую раковину. Зачерпнула ладошкой и бросила в лицо, холодные капли упали за ворот и побежали почти до пояса. Кто-то громко позвал меня. Я спросила, что нужно — это было ошибкой. Надо было молчать. Тогда, возможно, проводник принял бы меня за пассажира, но мне было так плохо, что я не успела сообразить. Он потребовал открыть, я отказалась. Тогда Морель попытался выломать дверь. От страха я закрыла уши, но все равно слышала каждый удар.

Как жестока оказалась действительность! Мне, домашней девочке, профессорской дочке, пришлось, скрывая имя, ехать через полсоюза, при этом делать самую грязную работу и терпеть домогательства. Я расхохоталась — истерически, громко, даже страшно.

Не знаю, почему он ушел, ведь ему почти удалось снести дверь. Испугался смеха. Решил, я повредила рассудком. А кто знает, на что способны сумасшедшие?

Вечером того же дня, как только поезд остановился на платформе, я схватила нехитрые пожитки и выбежала из вагона. Толпа вынесла меня к выходу из вокзала. Жуткое путешествие подошло к концу и пошатнуло атеистические взгляды теперь уже профессиональной уборщицы. Я поверила в существование нижнего мира, из которого, как известно, выходят демоны.

По-моему, я только что оттуда!

Большие вокзальные часы отбили восемь раз. Сегодня в университет не попаду, но в запасе еще два дня, волноваться пока не о чем. На площади святого Фран-

циска было еще более шумно, чем на вокзале. Кричали извозчики: «Отвезу быстро и дешево!» Кричали домовладельцы: «Квартиры, комнаты на любой срок и кошелек!» Кричали продавцы пирогов, дети, женщины... От резких звуков захотелось зажать уши и уйти туда, где тихо и нет людей, – так я и сделала. В стороне от площади, но почти рядом с ней, стояла маленькая, очень аккуратная пожилая женщина. В руках у нее была табличка с объявлением о сдаче комнаты. Я подошла и уточнила, сколько она просит и есть ли у нее еще жильцы. Цена была не самой низкой, на площади были варианты дешевле, но отсутствие других соседей подкупало.

Мне хотелось сейчас только одного – покоя.

Дом мадам Франс, так звали домовладелицу, был маленьким – раза в два меньше нашего. Находился он на самой окраине города, зато был отдельным и даже имел крошечный, всего-то три клумбы, сад – большая редкость для столицы. Вопреки моим опасениям, больше никого не было. Хозяйка не обманула. Я заплатила за неделю. Тридцать франков существенно облегчили и без того не тяжелый кошелек. Получила ключ от комнаты, полотенце, постельные принадлежности и даже кружку горячего молока с печеньем.

Мадам Мари, как оказалось, еще ни разу не пускала жильцов. На мой вопрос, почему, она смущенно ответила:

– Не хотела чужих мужчин в доме, а девушки если интересовались, то вид их сразу говорил о роде деятельности. Я приличная вдова, а не хозяйка вертепа!

Вот так заношенное платье и чей-то старый платок помогли мне найти новый дом.

Мадам Франс показала мне ванную и, пожелав спокойной ночи, ушла. Сантехника оказалась современной, был даже кран с горячей водой. Еще бы, ведь это сто-

лица. Я терла кожу грубой мочалкой до тех пор, пока она не начала саднить.

Не реветь, только не реветь! Незачем пугать добрую хозяйку. Бездумно смотрела, как уходит в сливное отверстие вода: самого страшного удалось избежать, почему же ощущение гадливости так и осталось?

Заперла дверь, подошла к окну – проверить, не открыто ли оно, – и легла на пахнувшие лавандой простыни.

Все хорошо, Лиса, почти хорошо.

Круглые зеленые глаза с вертикальными зрачками кристально следили за розовым бантиком. Я привязала его на веревочку и подбрасывала – то вверх, то вниз, то в сторону. Длинный пятнистый хвост дергался в такт моим движениям. Наконец котенок в каком-то особо хитром кульбите достиг своей цели. Он рвал этот несчастный бант зубами, при этом помогая себе задними лапами. Я с улыбкой смотрела на серые пятна на лоснящейся шубке. Шикарные кисточки на ушах также были серыми. Вскоре ему надоело играть с неподвижной игрушкой, и он прыгнул ко мне на колени.

– Уф, как ты потяжелел, малыш. Смотри, уже не помещаешься.

Я почесала его за ушком, за что получила ответную ласку. Он потерял об меня головой, а потом начал лизать больную руку.

– Я тоже люблю тебя.

Боль стала уходить, и я зарылась носом в густой серебряный мех.

– Жаль, ты не можешь залечить сердце!

Упомянутый орган обиженно заныл, и я проснулась.

Утро началось с умопомрачительного запаха. Мадам Франс пекла блины. Уснуть при таком аромате было решительно невозможно, пришлось вставать и идти

умываться. Рука совсем не беспокоила, и алая, вспухшая было рана затянулась. Остался только маленький шрам.

«Спасибо, Малыш», — послала я мысленную благодарность.

Холодная вода приятно остужала кожу, а отражение в зеркале...

— Святая Амелия, что это? Что со мной? — В панике я побежала к кровати, схватила свои очки и нацепила на нос. Отражение стало расплываться. Резко сдернула их. Из зеркала на меня испуганно смотрели ярко-зеленые, изумрудные глаза, совсем как у котенка из сна. Но таких ведь не бывает! Исчезли веснушки, а волосы стали серебристыми, почти как его шкурка.

— Спокойно, Мелисент, — собственный голос успокаивал, — не нервничай. Вспоминай, может быть, ты закапала не те капли в глаза, и после этого они стали менять цвет.

Ага, а волосы поседели от стресса? Веснушки, видимо, тоже.

Если бы не шок, то я бы даже могла сказать, что стала... красивой? Яркой — так точно. Родинка над губой, которую я перестала замазывать, потому что не захватила с собой пудру и крем, привлекала взгляд и добавляла еще больше загадочности необычному облику.

— Такие капли превышали бы стоимость нашего дома, — продолжила я диалог с собой, — и потом, я ничего не капала, наоборот. Я забыла все свои лекарства в Лосс.

Тут осознание собственных слов накрыло с головой. Святая Амелия, но зачем?

Нет, не хочу даже думать об этом. Это не самая большая моя проблема, можно даже сказать — наоборот. Вот только как объяснить мадам Франс такие изменения?

Быстро заплела косу и спрятала ее под платок. А что делать с глазами?

Вытряхнула содержимое своей сумки на кровать. Оттуда выпали четыре толстые книги, недоодеженный пирожок и какая-то совершенно ненужная мелочь. Я даже одежду не взяла. Ни одного сменного комплекта! Ничего – ни капель, ни темных очков. Обострившееся чувство опасности кричало о необходимости скрыть такую приметную внешность. Ну, как можно было не взять ни лекарств, ни документов?!

Впрочем, в том состоянии хорошо, хоть что-то взяла. Интересно, зачем мне книга по астрономии? А фотография? На черно-белом снимке, счастливо улыбаясь, стояла неразлучная троица: Софи, Грэг и я.

«Эй, великий химик, пошли в парк! Из Оредежа приехал фотограф!» – Грегори кричал мне под окнами лаборатории.

«Пойдем, запечатлеем нашу молодость!» – поддерживала его Софи.

«Не могу, у меня тут реакция сейчас пойдет», – громко крикнула я в ответ.

«Давай-давай, а то маму позову!»

«Нельзя быть такими жестокими! Ладно, иду», – сдалась я и, как была, в домашнем полосатом платье пошла в парк.

Счастливые воспоминания пролетели перед глазами. Больше никогда я не увижу Софи, никогда она не засмеется чудесным смехом, не обнимет, не разделит печали младшей подруги. Первая мысль была выкинуть карточку в окно, и я было даже почти сделала это. Но потом передумала; у меня больше нет памяти о ней, пусть тут с нами и Грэг.

Достала карточку из рамки и положила между страниц «Химии лекарственных неорганических веществ», которую, как и плащ, теперь уже безвозвратно одолжила у мсье Роже.

– Доброе утро, мадам Франс! – Я громко окликнула суегающуюся у плиты женщину.

– Доброе, дорогая, что ты хотела? – Она быстро улыбнулась мне и вернулась к своему занятию.

Выдохнула – мадам ничего не заметила.

– Простите, нет ли у вас ненужных темных очков? Мои разбились, а у меня прогрессирующая фотофобия, – ох, какая же ты стала врушка, Лиса, – я сегодня же верну, сразу как куплю себе новые.

– Конечно, в маленьком шкафчике в твоей ванной как раз должны быть мои старые. Можешь не возвращать, они мне не нужны. Сын на день рождения подарил новые.

Известие о наличии у мадам Франс сына немного насторожило.

Очки, которые я нашла там, где мне указали, были очень модными лет сто назад. А сейчас громоздкая оправка в серебристых листиках смотрелась несколько странно.

«Винтажно», – сказала я сама себе и вернулась на кухню.

– Тебе очень идет, совсем как мне в молодости, носи на здоровье!

– Спасибо, мне тоже очень нравится.

Конечно, теперь внимание на меня обратит разве что слепой. Вернее внимание-то, может, и будет, но совсем не того рода, как я опасаясь.

– Садись завтракать.

– Мадам Франс, мне неловко в этом признаваться, я не смогу расплатиться. Сначала найду работу, а потом уже буду есть, – попыталась я отшутиться.

– Глупости! Я и плату за неделю назначала с учетом завтраков. Не переживай, кушай.

Кухарка из моей хозяйки была великолепная. Мы поели, обсудили последние политические новости, мои